РЕЦЕНЗИИ

В. Ф. Шишмарев. Избранные статьи. История итальянской литературы и итальянского языка. — Л., «Наука», 1972. 358 стр.

Рецензируемая книга акад. В. Ф. Шишмарева (1875—1957) вышла в свет много лет спустя после смерти ее автора. Работа подготовлена комиссией по изданию наследия умершего ученого. Редактор тома, А. А. Касаткин, ученик В. Ф. Шишмарова, проделал большую работу для того, чтобы подготовить к печати ряд статей и исследований, которые по разным причинам остались в рукописях ученого незавершенными. Наряду с ранее изданными статьями¹, данная публикация является новой большой книгой из наследия замечательного ученого².

Центральное место в рецензируемом томе занимает «Очерк истории итальянского языка» (стр. 36—181), к которому примыкают такие этюды, как «У истоков итальянской литературы», «Латинская литература и народная поэзия Италии», «Итальянская литература второй половины XIV века» и «Декамерон» Боккаччо. Лишь первый и последний из перечисленных этюдов публиковались раньше, все остальные, включая и центральное исследование по истории итальянского языка, увидели свет впервые. В виде приложения даны очерки, ранее уже известные читателям, но, как мы сейчас увидим, развивающие идеи, представленные в «итальянской» части книги. Таких очерков три: о провансальском поэте Фредери Мистрале, о русском филологе А. Н. Веселовском и о грузинском поэте Шота Руставели.

«Очерк истории итальянского языка», написанный свыше тридцати лет тому назад, до сих пор сохраняет свое значение. К сожалению, он доведен лишь до эпохи национального объединения Италии, т. е. до 1861 г. В «Очерке» анализируются многие проблемы литературного языка, весьма существенные не только для Италии, но и для общей теории и истории литературных языков

вообще. Обратим внимание на некоторые из этих проблем.

В Италии деловые документы на родном языке появляются раньше, чем аналогичные памятники на родном языке во Франции и Испании. Что же касается собственно литературных памятников, то Франция и Испания опережали в этом отношении Италию. В начале XII столетия во Франции уже бытует «Песнь о Роланде», к 1140 г. относится и крупнейшее художественное произведение средневековой Испании — «Песнь о моем Сиде». Между тем в Италии до эпохи Данте (1265—1321) трудно обнаружить художественные произведения вообще, тем более произведения, равные только что названным шедеврам Франции и Испании. Возникает множество вопросов. Что считать началом литературного языка? Что считать первым, собственно художественно-литературным памятником той или иной страны? К какому языку относить документы, написанные по латыни, но содержащие в себе многочисленные «вкрапления», сделанные на родном («вульгарном») языке? Как быть с текстами, созданными на диалекте, который в ту отдаленную эпоху рассматривался как язык (диалект отождествлялся с языком)?

Все эти вопросы широко освещаются в книге В. Ф. Шишмарева. Итальянский материал дает много нового для понимания сложных взаимоотношений между языками и диалектами в эпоху средних веков и Возрождения. Уже А. Гаспари в своей старой «Истории итальянской литературы» настаивал на таком тезисе: как только диалектом начинают пользоваться для литературных целей, он приобретает совсем иной характер и начинает стремиться к идеалу правильности, не знакомому диалекту, на котором лишь говорят, но не пишут³. Диалект оказывается как бы

¹ В. Ф. Шишмарев, Избранные статьи. Французская литература, М.—Л., 1965.

² См. также: «Рукописное наследие В. Ф. Шишмарова в архиве Академии наук СССР», М.—Л., 1965 (описание и публикации).

³ Ср.: А. Гаспари, История итальянской литературы, I, перевод К. Бальмонта, М., 1895, стр. 57 и ярко написанную книгу: Ф. Монье, Опыт литературной истории Италии XV века, СПб., 1904, особенно стр. 429—555. См.

над диалектами, но вместе с тем он еще не становится общелитературным языком. Проблема сублимации диалекта, как и проблема «письменного» диалекта и диалектов, на которых много сочиняли в Италии не только в средние века и в эпоху Возрождения, но и значительно позднее, приобретают большое значение для общей теории литературных языков в их взаимоотношениях с народной речью.

На пути развития литературного языка в Италии оказалось много препятствий. Эпоха Возрождения вновь усилила позиции латинского языка. На латинском языке создавали, как известно, не только научные, но и художественные произведения. При этом латинский язык не казался здесь чужим. Италия — родина латинского языка. Эпоха Возрождения вновь напомнила эту истину. Итальянский язык, только что, казалось бы, получивший права гражданства, вновь отгесняется на задний план. Вновь возникает разрыв между языком повседневного общения и языком науки и литературы. Вновь сталкиваются два языка, из которых один («вульгарный язык»), лишенный единства, представленный в виде множества локальных вариантов, с трудом противостоят единому в своей основе латинскому языку. XV в. в Италии, весьма богатый в литературном отношении, вместе с тем осложнен необычной лингвистической ситуацией, сложившейся исторически. И все же на стороне итальянского языка оказалась правда истории: в XVI столетии он побеждает латынь, которая отгесняется на второй план, уступая дорогу языку, родному для всех итальянцев. Лингвистический дуализм начинает уходить в прошлое. Но ему на смену сейчас же приходит дуализм другого типа: идеал единого общелитературного языка, о котором всегда мечтали писатели и ученые, сталкивается с лингвистической реальностью, весьма далекой от подобного идеала (не только пестрота диалектов, но и сложные, не вполне ясные взаимоотношения между ними).

Не случайно, что именно в Италии возникает острая контроверза о судьбе родного языка. Как сформировался итальянский язык? Из какого диалекта (употребляя более поздний термин) он вырос⁴? В книге В. Ф. Шипмарева подробно анализируется эта контроверза от эпохи Данте до 1861 г.⁵ Вокруг этих вопросов ведутся жаркие дебаты вплоть до наших дней, как это явствует, в част-

ности, из специальной новой монографии Тулио де Мауро⁶.

Проблема контроверзы освещается в книге В. Ф. Шипмарева очень интересно. Страстная борьба за единство литературного языка, которая наблюдалась в Италии на протяжении многих столетий, как бы компенсировала недостающее стране экономическое и политическое единство (стр. 30—40). Как было только что отмечено, политическое объединение страны произошло лишь в 1861 г. Экономика полуострова развивалась по областям, изолированно друг от друга. Тем сильнее лучшим представителям народа хотелось добиться «хотя бы» языкового единства. Этим был обусловлен государственный резонанс, который получила сама постановка лингвистической проблемы. Выдающимся итальянским писателям казалось, что добиться языкового единства страны легче, чем создать единство в экономике и политике. В действительности многое оказалось сложнее: само единство языка требовало политического объединения страны. Недаром итальянские лингвисты ведут историю общенационального итальянского языка только с 1861 г., т. е. с уже известной нам эпохи политического объединения страны⁶.

О лингвистической контроверзе в Италии существует огромная научная литература. На протяжении веков ученые и писатели спорили и спорят о том, какой диалект оказался в основе итальянского литературного языка, какую роль в становлении последнего сыграли те или иные писатели, чем объяснить позицию Данте, который, создав уже «всем понятный литературный язык», вместе с тем не смог устранить дальнейших горячих споров о судьбе литературного языка в его взаимоотношениях с многочисленными вариантами итальянской народной речи. Чем «объяснить, наконец, «диалектную вспышку» в Италии наших дней, приведшую к тому, что многие современные писатели часто предпочитают вновь писать на том или ином диалекте?»⁷

В книге В. Ф. Шипмарева анализируются интересные материалы, помогающие осмыслить важную для Италии проблему формирования литературного языка, своеобразие его нормы, динамичность его взаимоотношений с диалектами. Особого внимания заслуживает та точ-

⁵ Tullio de Mauro, Storia linguistica dell'Italia unita, 2 ed., Bari, 1970.

⁶ G. Devoto, B. Migliorini, A. Schiaffini, Cento anni di lingua italiana (1861—1961), Milano, 1962.

⁷ См. об этом, в частности: Л. Г. Степанова, О «диалектной вспышке» в современном литературном языке Италии, сб. «Лингвистические исследования», Л., 1970.

также сборник статей итальянских лингвистов «Современное итальянское языкознание», М., 1971.

⁴ Термин «диалект» стал употребляться в большинстве романских стран, начиная лишь с XVI и первой половины XVII столетия.

ка зрения, согласно которой итальянский литературный язык сложился не на основе одного какого-либо диалекта, а как бы «поверх диалектов», впитывая в себя особенности разных диалектов и одновременно вырабатывая в себе новые качества, ранее неизвестные отдельным диалектам (стр. 127 и сл.). Но и эта концепция не преодолевает всех трудностей. Она, в частности, не дает возможности разумительно объяснить роль великих «трех венцов» (*tre cogone*) итальянской литературы — Данте, Петрарки и Боккаччо, которые опирались на флорентийский диалект и вместе с тем так много сделали для создания общелитературного языка в Италии.

Как я уже отметил, книгу В. Ф. Шипмарева объединяет несколько общих идей, позволяющих говорить о ее единстве, несмотря на многоплановость ее содержания. К такой центральной идее относится положение о роли языка в формировании культуры каждого народа. Казалось бы, что общего между отношением Данте к итальянскому языку, отношением к своему родному языку грузинского поэта XII столетия Шота Руставели и отношением к провансальскому языку Фредери Мистрала, писавшему в конце минувшего и в начале нынешнего века? Между тем общее между ними имеется. Оно может быть сформулировано кратко: активно-сознательное отношение к тому языку, на котором они писали. Я говорю здесь только об общности лингвистической позиции, не затрагивая других проблем, относящихся к компетенции других наук. Но и первая проблема очень важна. Она дает возможность показать, когда, где и как возникает активное отношение пишущего к своему родному языку. В. Ф. Шипмарев не случайно начинает свою статью о знаменитом грузинском поэте со слов самого поэта: «я нуждаюсь для создания своей песни в языке, сердце и искусстве» (9-я вступительная строфа к «Витязю в тигровой шкуре»). Здесь язык «оказывается на первом плане. На таком же месте он был и у Данте в его раздумьях о судьбах родной литературы и у Мистрала в его опытах «возрождения» провансальского как языка художественной литературы».

Существует широко распространенное мнение, согласно которому сознательное отношение к языку возникает у писателей очень поздно. Исследователи, например, считают, что впервые сознательное отношение к языку «вспыхивает» во Франции лишь в середине XV столетия и «закрепляется» в следующем веке. Итальянские историки, выделяя «три венца» итальянской литературы, констатируют затем длительный период безразличия к языку. Иногда обособляют отдельных авторов, безразличных к

форме выражения своих мыслей и чувств (например, Кретьена де Труа в XII в. во Франции), с тем, чтобы затем описать длительный период лингвистического индифферентизма⁸.

Схема эта давно нуждается в пересмотре. И материалы, в частности, книги В. Ф. Шипмарева еще раз убеждают в необходимости подобного пересмотра. Разумеется, типы безразличного отношения к языку своих собственных сочинений у разных авторов и в разные эпохи могут быть совсем неодинаковыми, совсем несхожими. Одно дело работа Флобера над языком, совсем другое — размышления Данте на эту же тему. Вопрос здесь не сводится к различию только писательских индивидуальностей. Он обусловлен прежде всего эпохой, состоянием литературного языка, уровнем развития культуры и литературы. Только в пределах одной эпохи и одного языка проблема может решаться прежде всего в индивидуальном плане (Тургенев и Лев Толстой весьма несходно понимали работу писателя над текстом своих сочинений). В. Ф. Шипмарев убедительно показывает, как постепенно вырабатывалось активное отношение к родному языку в Италии и какое значение оно имело для практики функционирования самого языка в различные эпохи⁹.

Итак, сколь бы ни было несходным отношение к языку своих сочинений

⁸ История этого вопроса дана в моей книге: «Литературные языки и языковые стили», М., 1967, гл. 4 и 5.

⁹ Любопытно, что сознательное отношение к языку в определенные исторические периоды могло выступать и со знаком минус. Так, например, когда писатель шестого века нашей эры Григорий Турский просил своих читателей простить его за неумение правильно употреблять падежи и предлоги (стр. 187), то и в этом обнаруживалось безразличное отношение автора к характеру повествования. Другой вопрос, как и почему Григорий Турский оправдывал свое неумение. О сознательном отношении к языку в эпоху испанского Возрождения и позднее см. монографию В. Банаха: W. B a n a c h, Beitrag zum Sprachbewusstsein in der spanischen Literatur des 16 und 17 Jahrhunderts, Berlin, 1956. Роль писателей в развитии сознательного отношения к языку насколько не умаляет и не может умалять роли народа в формировании самого языка (см. об этом, в частности, в только что цитированной моей книге, главы 1 и 10). Между тем некоторые итальянские лингвисты наших дней неправомерно противопоставляют эти два понятия. См.: «Материалы советско-итальянской писательской встречи» («Иностранная литература», 1973, 1 стр. 207).

у Данте, у Руставели, у Мистрала, писателей столь разных эпох и национальностей объединяет сознание важности того, как они передают свои мысли и чувства на родном языке. В истории нашей отечественной филологии этим вопросом интересовался, в частности, и академик А. Н. Веселовский, прекрасный этюд о котором содержится в книге В. Ф. Шипмарева¹⁰.

Публикация «Избранных статей» В. Ф. Шипмарева обогатила нашу фи-

¹⁰ См.: П. К. Симо́ни, Библиографический список учено-литературных трудов А. Н. Веселовского с указанием их содержания и рецензий на них (1859—1906 гг.), Пг., 1922.

Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение,
изд. пятое, перераб. и дополн. — М., «Просвещение», 1972. 415 стр.

Вышло в свет пятое издание книги Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение». Эта книга — наиболее авторитетное руководство для всех, кто интересуется русской фонетикой в любом ее аспекте. Она несколько раз издавалась за границей. Пятое издание «Русского литературного произношения» существенно отличается от предшествующих изданий во многих отношениях. В состав книги введены подробные таблицы, в которых даются правила «перехода» от звука к букве и от буквы к звуку. Новым является также включение звукового иллюстративного материала в виде пластинок с записями отдельных звуков и звукосочетаний и связанных текстов. К сожалению, эти звуковые иллюстрации сопровождают лишь часть тиража. Хотя рецензируемая книга, как пишет сам Р. И. Аванесов, «не есть русская фонетика» (стр. 3), в ней тем не менее содержится краткий очерк звуковой системы и даны некоторые артикуляционные характеристики звуков (схематические «профили» артикуляций, полученные на основании рентгенографических съемок и приведенные в «Альбоме артикуляций звуков русского языка» М. И. Матусевич и Н. А. Любимовой — М., 1963). В книге содержится в виде описаний и рекомендаций обширный фактический материал. Очевидно, что это оптимальный вариант книги такого рода.

Книга предназначена для студентов педагогических институтов, но на деле сфера ее использования и теоретическое значение много шире и важнее. По существу это подробное и обстоятельное изложение современной литературной нормы в ее орфоэпической части. Составляя кившее, пятое издание с предыдущими, легко обнаружить присталь-

ную интерес автора к постоянному изменению нормы, которое возникает в связи со сложными взаимодействиями различных сфер современной устной речи. От издания к изданию Р. И. Аванесов производит ряд уточнений и изменений в рекомендациях по норме. Если в первых изданиях, например, допускалось старомосковское произношение типа *се* [p'x], *не* [p'v]ый, то теперь единственным вариантом признается новое произношение типа *се* [px], *не* [p'v]ый. По сравнению с предыдущим изданием 1963 г. отмечаются некоторые уточнения: теперь специально оговаривается, что вариант *авбм* [к'ь!], восходящий к старомосковским нормам, стилистически маркирован (стр. 155) и не может рекомендоваться в качестве нормы обычной речи (в предыдущем издании он рассматривается как равноценный форме *авбм* [к'и!]).

Р. А. Будагов

Ориентация на обычную речь, на узу, постоянно намевающий норму, — важная особенность книги. По существу, на протяжении четверти века произошел заметный отход литературной нормы от ряда специфических черт старого московского эталона (отраженного полнее всего в известной монографии Р. Кошутича, от описательной части которой во многом зависели рекомендации Р. И. Аванесова в его первом издании) — и этот отход можно проследить на сравнении пяти изданий книги. Даже в пятом издании автор постоянно оговаривает исключения из обычной нормы, некоторые отклонения от принятого произношения, устанавливая варианты допустимых колебаний (например, в части ассимилятивной мягкости согласных, в произношении возвратной частицы *ся* (сь), в произношении безударных гласных первого предударного слога после шипящих и т. д.),